

«Широкий экран» объявил в своем анонсе программу сегодняшней встречи друзей кино. События изменили программу. Пришла весть о кончине выдающегося режиссера, литератора, педагога, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, народного артиста СССР Сергея Аполлинариевича Герасимова.

В мае ему исполнилось бы восемьдесят. Того, что он успел сделать, хватило бы на множество жизней. В золотой фонд нашего кино вошли его фильмы «Семеро смелых», «Комсомолец», «Маскарад», «Молодая гвардия», «Тихий Дон», «Люди и звери», «Журналист», «У озера», «Дочки-матери», дилогия о Петре I, «Лев Толстой»... Его теоретические работы, его выступления и речи, его литературные сценарии стали неоценимым вкладом в киноведение и драматургию, как все его творчество — одним из фундаментальнейших явлений советского киноискусства, вкладом в наше общественное сознание. «Учитель» — так озаглавлен один из лучших его фильмов. Учителем с большой буквы считают Герасимова сотни его учеников, целые поколения ведущих художников нашего кино, воспитанников творческой мастерской С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой в Институте кинематографии. «Любить человека» — назывался один из программных фильмов Мастера. Любить человека и за него бороться — было девизом его жизни, смыслом его творчества.

За несколько дней до кончины Сергей Аполлинариевич дал «Неделе» одно из последних своих интервью. На пороге восьмидесятилетия он был полон замыслов. Но фильмов, о которых он мечтал, мы уже не увидим.

Мы печатаем это интервью без поправок. Герасимов с нами. Он продолжает жить в своем творчестве. Его последнее слово пронизано беспокойством о будущем. Вслушаемся в него.

Сергей Герасимов:

ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

расходились. Вообще сегодня наше кино теряет зрителя, и я думаю, что этому есть причины. В последние годы фильмов ставится много, но количество не всегда переходит в качество. На экране царят будни, не обретенные своего жанра, мелкотемье, ложно понятая развлекательность. Часто она достигается в ущерб идее, мысли, ради которой и должен создаваться фильм. И зритель, привыкший к такого рода кинематографу, если нет внешней динамики, нет стрельбы или погони, — поднимается и идет к выходу. «Не нужна мне ваша философия» — и все тут. Заигрывание со зрительным залом к дощру не привело. Привыкли жить без истории на экране, без философии и «мудрствований». Все мы в этом виноваты.

Мне прислали письмо из одного города, где прокатчики так рекламировали новую картину: «Остросюжетный фильм, в котором теща отбирает у зятя автомобиль». Торгашеское начало захлестывает кино.

Идет какой-то обратный процесс, растрачивается эстетическое, нравственное богатство, накопленное в 30-е, 40-е годы. А в результате что же? Доход все равно очень маленький, а расход душевный так велик, так велик...

Я все это говорю не просто так, не размышляю вслух, а уверен, что надо многое перестраивать в кинопроизводстве. Иначе задачи, поставленные перед нами партией, останутся нерешенными.

— Но что-то все же радует вас в кино?

— Радуют фильмы Панфилова, Губенко, Никиты Михалкова. Михалкова ценю и за то еще, что он живет как нормальный современный человек, многим интересуется, везде бывает, все смотрит. Не замкнут на кино, это очень важно.

— И так, чего же хочет от меня «Неделя»? Издание, которое я читаю и люблю. И с удовольствием даю для нее интервью. Так и напишите...

— Сергей Аполлинариевич, вы сказали как-то о Фадееве: «Он чувствовал себя полновластным хозяином жизни — быть может, это было наиболее привлекательной его чертой». Эта черта в высшей степени свойственна и вам. Привить такое отношение к жизни вы стараетесь каждым своим фильмом. Сегодня, в пору заметного обновления нашего общества, быть хозяином слова, дела, страны — важно как никогда. Происходят глубинные перемены в сознании людей. Поговорим о роли искусства в этом процессе.

— Да, время нынче особенное, перемены грядут большие, задачи стоят трудные. По тому, что видится вдали, ясно, что каждый из нас должен определить свое место в этой грандиозной работе ума и сердца. Партия ставит перед людьми задачи вполне конкретные: не заниматься пустословием, ибо это стыдно. Неловко, стыдно повторять глупости, зная, что это глупости. Стыдно — ничего не делать, когда требуются всеобщие усилия, чтобы сделать жизнь лучше.

Искусство не оторвано от жизни, оно накрепко прибито к каждому событию, факту. Но нужна дистанция, чтобы осмыслить происходящее, расстояние требуется, нужно оторваться от сиюминутности — случайное угаснет, главное отложится.

В некоторых телесериалах, да и в кинофильмах идет «поток жизни», в чем-то подчас и верно схваченный: люди живут, разводятся, женятся... Все как будто правдиво, но так нельзя строить искусство, так нельзя! Искусство всегда имеет дело с оригинальными идеями, будни должны приобретать черты жанра. Главное — что хочет художник сказать.

Я хотел бы поэтому, чтобы и разговор наш был вполне свободным и конкретным.

— В ваших фильмах на редкость последовательно отражено движение современной жизни, характер проблем, стоящих перед обществом. Известно также, что долго быть в простом, молчать — для вас ситуация неприемлемая. Так что же вы собираетесь снимать сейчас?

— Хочу на телевидении сделать фильм по пьесе Толстого «Власть тьмы» (пять актов в пьесе — пять серий у нас), сохраняя весь сложный контекст этого произведения. Разговор о совести, который ведет великий писатель, чрезвычайно важен всегда, особенно сегодня. Важен всем нам и мне лично в мои, мягко выражаясь, зрелые годы. В ночные часы, когда не спишь и хочешь освободиться от грехов дня или хотя бы замотивировать их, совесть работает активнее. Речь идет о совести как критерии истины. В пьесе не убийство ребенка главное, а убийство совести. Я включаю эту пьесу вот уже сколько лет в программу обучения будущих артистов и режиссеров; почти все поколения прошли через «Власть тьмы», прикасаясь к чудесам толстовского текста. Это энциклопедия литературного мастерства по глубине, интонационному богатству, точности характеристик, выраженных в слове. Это же чудо русского говора, тончайшие стенограммы подслушанных Львом Николаевичем речей...

Меня меньше всего волнуют эффекты, различного рода атрибуты, хотя понимаю, что фильм может быть очень зрелищным. Драматургия — то как точно, захватывающе

выстроена! Толстой знал, что такое драма. Там есть что смотреть. Вообще, в мировой литературе для меня есть несколько произведений, которые вбирают в себя так много, что их можно ставить во все времена: это «Власть тьмы», «Красное и черное», «Гамлет». Такой странный список, не правда ли? Авторы очень разные, а нравственный заряд бьет в одну цель. Хочу, чтобы все поколения студентов прошли через эти произведения, и постоянно включаю их в учебные программы.

— Я была уверена, что вы обязательно скажете о замысле сценария на современную тему...

— И об этом поговорим, но чуть позже. — Можно предположить, что есть прямая связь между фильмом «Лев Толстой» и будущим сериалом «Власть тьмы».

— Фильм о Льево Толстом позволяет привлечь внимание к очень важным сегодня проблемам. Лев Николаевич верил в то, что мир должен быть и будет гармоничным и счастливым. Но тогда только, когда человек изживет в себе эгоизм и безразличие к судьбам других. Сегодня — это тема из тем. В конечном счете чем можно измерить наши успехи в формировании нового общества? Нравственным совершенством личности. И это когда-то надо произнести. Я хотел, чтобы фильм произнес это. Сегодня, когда социальная революция стала свершившимся фактом, когда она создается с каждым годом новые основы для дальнейшего духовного развития человека, отнести вопросы духовного совершенствования личности в разряд второстепенных было бы величайшим заблуждением. Партия ставит этот

вопрос на самый первый план, видя в нем продолжение экономических свершений, а главное — решительный поворот к строительству человека социалистического и коммунистического мира. И тут тезис Толстого о самосовершенствовании приобретает новое значение. В конце концов каждый человек исторически призван вступить в единоборство с самим собой, ибо инстинкты еще слишком часто берут власть над человеком, если он сознательно не ограничивает их собственной волей.

— Конечно, вас не могла не волновать проблема зрителя, когда был задуман столь сложный фильм. Того самого зрителя, который вас отлично понимал и принимал в остросовременных фильмах «Журналист», «У озера», «Любить человека»... Прочитав одно из ваших высказываний в период съемки фильма «Лев Толстой»: «...Я убежден, что своего зрителя мы найдем, из тех людей найдем, что потянут в Ясную Поляну, в Хамовнический музей и найдут там пищу для души и ума. Ибо самое большое счастье — прикоснуться к человеческому гению и понять его». Подтвердилось ли это? Нашел ли фильм своего зрителя?

— Очень сложно ответить, сложно... Фильм получил самую высокую оценку критики, у меня дома большой ящик замечательных зрительских писем, умных, тонких, благодарных. Все, что чувствовал Лев Николаевич, оказывается, нужно многим. А в прокате, где все определяют цифры, фильм провалился. Все это наводит меня на грустные размышления.

Я всегда старался делать фильмы так, чтобы было на что смотреть. Но постепенно наши пути со зрительным залом

не так давно мы с Тamarой Федоровной на отдыхе посмотрели фильм Меньшова «Любовь и голуби». Как мы были ему благодарны, как смеялись! Фильм очень современный, острый, точный по жанру, с ясной мыслью: не надо играть с жизнью в опасные и недостойные игры. Будь осторожен, Вася! Мы тут же послали телеграмму Меньшову, а я не очень щедр на это, за все годы — три телеграммы, одна из них Тане Лиозновой после «Семнадцати мгновений весны». «Ай да Таня!» — написали мы с Тamarой Федоровной нашей ученице.

Так... я вижу, что вы ищете возможность вернуть меня к современной теме. Ну что же... Думаю писать сценарий об Урале, где я родился и где вот уже 25 лет депутат Верховного Совета РСФСР. Я очень часто там бываю и, пожалуй, знаю о его людях сейчас гораздо больше, чем тогда, когда там жил. Сейчас там совершенно обновленный рабочий класс, очень интересная интеллигенция. Не случайно Урал поставляет отличные кадры в самых разных областях. Меня интересует в итоге простая вещь: как закаляется личность, как складывается хороший человек? Почему тут выходит, а там нет? Система открытий, огорчений, все то, что проживает общество.

Мне сейчас показалось, что из всего сказанного можно сделать вывод, будто я превратился в толстовского Акимы. Это не так. Мы, люди, коммунисты XX века, живем друг с другом тесно, у нас очень сильна совесть партийная. Никакая благостность или всепрощение нам не свойственны. И мне не свойственны. Я очень